

нием, свойственное византийскому правосознанию, на практике нарушается. Соответственно по отношению к XIV в. и доходы от земли не могут быть с предельной точностью разделены на государственные налоги и ренту частнопроводного характера, хотя формально-юридически попытки к подобному разграничению по-прежнему предпринимаются. Согласно хрисовулу Иоанна VII Палеолога, Лавре, как и другим крупным монастырям, пожалована часть десятины с урожая на Паллене-Кассандре. После смерти дарителя Лавре переходит соответствующая часть самой земли: общины, где работают упряжки волов, и сами эти упряжки, весь доход с урожая и государственные налоги²⁹. В этом документе налог и доход по традиции разделяются, кстати, десятина от урожая не идентифицируется с налогами, являясь, как уже отмечалось, сбором смешанного публично- и частного правового характера. Далее, в документах XIV—XV вв. отсутствует терминологическая точность: если в актах, содержащих пожалование в пронию, говорится о праве на владение, то в документах, оформляющих пожалование монастырям земель в собственность, указывается на передачу посотис³⁰.

Подобному переплетению представлений об управлении и владении способствовали в эпоху Палеологов реальные процессы приватизации функций управления, связанные с усилением противоречивых тенденций в политике императоров. Действительно, именно в этот период за счет крупных земельных пожалований со стороны государства особенно выросло крупное, в частности, монастырское землевладение, распространились апанажи³¹, отпали всякие ограничения, чинимые ранее собственникам в привлечении на их земли крестьян. Как ранее, сосуществовали названные два противоречащих друг другу направления экономической политики государства. Соответственно и сама византийская власть балансировала между двумя политическими и общественными силами, составлявшими ее социальную базу: высшей бюрократией и земельной аристократией. Преимущественное развитие того или иного направления в политике зависело от многих факторов: соотношения сил в составе правящей элиты, реальных возможностей того или иного императора, внешней обстановки.

В целом в эпоху Палеологов в экономической политике возобладала тенденция к поощрению роста крупной, особенно монастырской собственности. В этой связи характерны многочисленные свидетельства пожалования монастырю бывших проний или замены монастырских земель на прониарские, тогда как монастырские возвращались в казну; при этом обмен совершался, по-видимому, с учетом интересов монастыря³².

О том, что пожалованные в XIV в. прониару права попечения уже не только реализовались в получении налогов, но включали возможности создавать на соответствующей территории условия для разнообразной экономической деятельности, свидетельствуют упомянутые выше практики 1321 г., содержащие опись владений прониаров—членов фессалонийского аллагия. Хотя большая часть их икономий состояла из держаний париков, им принадлежали также покинутые земли и владения, которые передавались вместо икуменона (налога)³³. Эти территории, не находящиеся в держании у крестьян, эксплуатировались или путем сдачи в аренду, или с помощью барщины, о которой в практиках имеются специальные упоминания³⁴.

²⁹ Actes de Lavra. Vol. III, N 159. P. 148.33—34.

³⁰ Ibid. N 122. P. 17.6.

³¹ Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа. . . С. 12.

³² Actes de Lavra. Vol. III, N 128. P. 37.29; N 161. P. 156—157. 1—7. В документе, сфабрикованном, по мнению издателей, на основе нескольких ранее изданных практиков, также говорится о пожаловании монастырю части пронии: 'ἀπὸ τῆς προνοίας τῆς γῆς 'Απλ.π.μ.ε.ι.ε.' (Actes de Lavra. Vol. III. Appendice XVIII. P. 219.34—35). Но и от более раннего времени мы имеем множество свидетельств такой практики. См.: Острогорски Г. Пронија. . . С. 34. Ср.: Actes de Lavra. Vol. II, N 97. P. 131.6.

³³ Actes de Xénophon. N 15. P. 140.17, 20, 21; N 16. P. 143.21—24, 25; P. 144.25.

³⁴ Ibid. N 15. P. 140.30—31; N 16. P. 144.29.